

ними по монастырскому чину». Совершенно ясно, что не Ипатьевская летопись вставила этот текст, а Лаврентьевская его исключила. В протографе Лаврентьевской летописи он должен был читаться, поскольку на него имеется ссылка в самой Лаврентьевской летописи.

Установление копии

Всякий список произведения является либо простой копией с не дошедшего до нас оригинала, либо списком переработанным (сознательно или случайно). Если список представляет собой простую копию (копию, имеющую лишь случайные искажения) с дошедшего оригинала, текстологическое значение списка в какой-то мере утрачивается. При наличии оригинала текстолог может отбросить из рассмотрения его копию: для установления истории текста она ничего не даст. Мало что дает и копия с копии дошедшего оригинала. Во всех этих случаях исключение копии из рассмотрения или из привлечения ее для подведения различий должно быть подробно обосновано. Однако простая копия может иметь значение для определения распространенности произведения в то или иное время в той или иной местности. Кроме того, копия с дошедшего оригинала имеет значение тогда, когда уже после снятия копии в оригинале произошли различные утраты и порчи. Тот же смысл имеют, например, и снятые фотографии с рукописей. Иногда в копиях и фотографиях сохраняется тот текст, который в настоящее время уже невозможно прочесть. Так, например, Горюшкинский список Псковской летописи (ГПБ, Г. IV, № 602) представляет собой копию с Бальзеровского списка (ЛОИИ, № 23), снятую тогда, когда Бальзеровский список не был еще попорчен и сохранял часть текста, ныне утраченную¹. Бывают случаи, что повреждения наносятся рукописи в момент снятия копии. Так, например, когда Петр I проезжал через Кенигсберг, он ознакомился с хранившейся тогда в городской библиотеке знаменитой Кенигсбергской, или Радзивиловской, летописью и заказал сделать с нею копию. Копия эта, стоившая, как известно, немало денег, сделана была весьма грубо. В частности, миниатюры копировались в ней путем сколков, т. е. контуры рисунка прокалывались на лист копии иглами. В результате один из рисунков Кенигсбергской летописи был настолько поврежден, что часть его вывалилась и была утрачена (в сцене «примучивания», притеснения дулебских женщин обрами). Эту утраченную часть миниатюры в настоящее время мы знаем по ее копии. Копия помогает представить себе утраченную часть оригинала.

Значение копий для определения состояния оригинала в момент снятия копии может быть показано и на другом примере. В 1740 г. В. Н. Татищев прислал в Академию наук «для напечатания» рукопись «древних законов» —

¹ Об этом см., например: ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853. С. 27; Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. С. LX.

«Русскую Правду», «Судебник» 1550 г. и дополнительные к последнему указы. Рукопись эта сохранилась (БАН, 16.14.9), она полна поправок. Поправки внесены рукой В. Н. Татищева и производят впечатление сделанных одновременно. Однако с рукописи этой были сделаны в разное время копии, и эти копии помогли установить, что поправки делались В. Н. Татищевым в два приема. Одна копия была снята с рукописи еще до того, как в нее были внесены поправки (рукопись из собрания В. Ф. Груздева — сейчас в собрании акад. М. Н. Тихомирова). Первая правка отразилась в списках Воронцовском, Мясниковском, Погодинском и Эрмитажном. После вторичной правки с Татищевской рукописи 1740 г. была снята еще одна копия — Карамзинский список¹.

Установить, что один список является копией другого, бывает трудно. Да и явление это редкое. Случается, впрочем, что в списках, вышедших из одного и того же скриптория, например Соловецкого, мы можем заметить общую традицию (см., например, Соловецкие списки сочинений Вассиана Патрикеева)², но и в этих случаях копии с дошедших списков — явление нечастое. Обстоятельство это, кстати, наглядно демонстрирует нам, какое огромное число списков любого произведения оказалось утраченным³.

Для того чтобы установить, что тот или иной список является копией с другого, дошедшего до нас, необходимо показать не только близость списков (любая степень близости может переходить через список или даже через два списка), но что случайные, чисто индивидуальные особенности оригинала отразились в копии. Например, случайное начертание той или иной буквы в оригинале привело к ошибке в копии, утрата части рукописи оригинала привела к пропуску в копии, случайная вставка, сделанная на полях в оригинале, проникла в копию и т. д. Если таких примеров будет несколько и не будет ни одного противоречащего факта, то можно думать, что перед нами оригинал и копия с него.

¹ Г. Л. Гейрманс. Татищевские списки Русской Правды. — Проблемы источниковедения, т. III. М.; Л., 1940; С. Н. Валк. Татищевские списки Русской Правды. — Материалы по истории СССР, вып. V. М., 1958, С. 610–613.

² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 140 и сл.

³ Н. Ф. Лавров в работе о Никоновской летописи привел доказательства того, что Кирилло-Белозерский список второго Воскресенского списка является копией со списка Кирилло-Белозерского первого, выполненной в пределах того же Кирилло-Белозерского скриптория (Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии, I (XXXIV). Л., 1927. С. 76 и сл.).

Приведу пример. Списки Еллинского и Римского летописца второй редакции из собрания БАН АН СССР (33.8.13) и список ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 (бывший Румянцевского собрания, № 597; в дальнейшем *P*) весьма близки между собой. Просматривая немногие случаи расхождения обоих списков, заметим, что почти всегда более правильное чтение дает список *БАН*. Например в списке *БАН* «Поусании» (л. 9 об., первый столбец), а в списке *P* «Усаніи»; в списке *БАН*: «Они ж рѣша; не вѣмы...»; а в списке *P*: «они ж рѣша; и свѣмы...»; в статье «О птицах» в списке *P* пропуск слов: «зело егда како изъедят ны, и абие тѣкохомъ на ня», имеющийся и в *БАН* (л. 35, первый столбец); в списке *БАН* «повѣле вѣмъ» (л. 39 об., первый столбец), а в списке *P* «повелевъ ему»; в списке *БАН* «кругла» (л. 62, второй столбец), а в списке *P* «другла» и т. д. Нетрудно заметить, что многие из ошибок списка *P* объясняются индивидуальными особенностями списка *БАН*. Так, например, в списке *P* в тексте «Александрии» (II.10)¹ пропущены слова: «ти я моуками, чада бо соуть». В списке *БАН* эти слова (л. 24 об., второй столбец) как раз занимают строку:

.....подобает же ти
моих нещадити, нъ озлоби
ти я моуками. чада бо соуть
ратных. ни милуя бо их обря
щеши мя друга.....

Другой пример: в списке *БАН* в киноварном заголовке «И повѣлѣние написав сице» (л. 31, второй столбец) слово «сице» пропущено и написано на полях с прописной буквы без указания места, в которое его следует вставить; в списке же *P* это «сице» попало не на место: «Сице и повѣлѣние написав».

Нередко переписчик *P* принимал высокое «ъ» списка *БАН* за «ѣ»: ср. в списке *БАН* «крѣмимъ» (л. 5 об., второй столбец), а в списке *P* «крѣмимъ». «Горѣгнемъ» списка *БАН* (л. 29 об., первый столбец) передано в списке *P* как бессмысленное «горѣгнемъ» (переделано затем в «горѣгнемъ») и т. д.

Приведенные примеры говорят за то, что список *P* является копией списка *БАН*, либо списка, настолько близкого к нему, что он имел даже те же графические особенности².

Другой пример обнаружения копии с оригинала может быть извлечен из исследования псковских летописей А. Н. Насонова.

А. Н. Насонов пишет: «Всматриваясь в искажения, сделанные составителем Эрм. списка (т. е. Эрмитажного списка Псковской летописи № 22 Гос.

¹ В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 171.

² См.: Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, т. VI. М.; Л., 1948.

Публичной библиотеки в Ленинграде. — *Д. Л.*), видим, что большинство их объясняется тем или иным начертанием Архивского списка (т. е. рукописи Псковской летописи б. Моск. архива Мин. ин. дел № 69/92 (90) ЦГАДА. — *Д. Л.*), что также служит доказательством того, что Эрм. список — копия не с протографа Архивского, а с самого Архивского списка: так, в словах “по лицу” в Арх. списке буква “ц” написана так, что ее можно принять и за “в” и за “д” (отсюда в Эрм. списке “по лиду” вместо “по лицу”. — *Д. Л.*); в Эрмитажном списке вместо “а велневицы изымаеве” читаем, “а велневиды изымаеве”; объясняется это тем, что в Арх. списке два начертания буквы “ц”, причем в одном — буква “ц” сходна с “д”; последнее имеется в данном слове; кроме того, в начертании буква “в” во втором слове приведенной фразы отличается от “д” только длиной линии, составляющей основание этой буквы. В слове “побѣже” в Арх. списке последняя буква — “ж” — над строкой; в Эрм. списке передано: “побѣжъ”; в фразе “імъ ж[e] несть числа” в Арх. списке “ж” над строкой, а “ъ” написан так, как в прошлом столетии писали “ѣ”; отсюда искажение переписчика Эрм. списка: “и мѣжъ нѣсть числа”, и т. п. Равным образом начертанием Арх. рукописи объясняется и превращение “о[u]н верстою” в “ондерстою”¹.

Почти такие же наблюдения над начертаниями отдельных букв в оригинале, приведшими к ошибкам в копии, сообщает в своей работе о Никоновской летописи и С. Ф. Платонов. На этих и сходных наблюдениях обосновывает С. Ф. Платонов то наблюдение, что Патриарший список Никоновской летописи является копией со списка Оболенского. С. Ф. Платонов пишет: «Случайное сплетение штрихов буквы «S» и буквы «Ѡ» в списке О (Оболенского. — *Д. Л.*) дало повод писавшему текст списка П (Патриаршего. — *Д. Л.*) прочесть вместо «Ѡ» слово «бѣ»; наблюдаем далее в П ряд пропусков таких мест, которые в списке О составляют в каждом случае целые строки. Эти пропуски, часто бессмысленные, именно строки, характеризующие своеобразный порок зрения писавших или диктовавших, особенно убедительно говорят нам, что переписчики П имели пред собою список О, а не другую какую-либо рукопись»².

Любопытный пример обнаружения оригинала по случайному дефекту, отразившемуся в списке с него, приводит П. Колломп³. В греческих списках изложения учения Эпиктета, сделанного его учеником Аррианом, имеется несколько пропусков, следующих довольно близко друг к другу в одном из мест. Пропуск этот объясняется тем, что в сохранившемся оригинале этих списков в Бодлеанской библиотеке (Gr. Misc. 251) в этом самом месте имеется случайное пятно, захватившее как раз те места в соседних строках, где в копиях с этого оригинала оказались пропуски. Пятно с достоверностью

¹ Псковские летописи, вып. 1. С. XXX—XXXI.

² С. Ф. Платонов. К вопросу о Никоновском своде. СПб., 1902. С. 2.

³ P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931. P. 44.

доказывает, что Бодлеанский список представляет собой оригинал остальных дефектных в этом месте списков. Необходимо, впрочем, попутно заметить, что пропуски в месте пятна доказывают, что перед нами копии с Бодлеанского списка, но если бы этих пропусков не было, то это не значило бы, что перед нами не копии: ведь пятно могло бы быть сделано и после того, как копии были сняты. Перед нами случайность, которая помогла раскрыть отношение списков к своему оригиналу. Установив оригинал, текстолог, однако, должен рассмотреть вопрос о том, все ли списки списаны с этого оригинала или некоторые из них являются копиями с копий. Путь исследования здесь тот же.

Самая трудоемкая часть работы по установлению копии — это обратная сплошная проверка, и о ней не следует забывать. Обратной проверки требует всякий этап работы текстолога, но в данном случае она особенно необходима: достаточно одного факта, чтобы стало ясным, что перед нами не копия и оригинал, а две копии с третьего, не дошедшего до нас списка, или копия с копии оригинала и т. д.

Определение формата протографа

В предшествующем разделе мы рассмотрели вопрос о копии с дошедшего оригинала. Копии эти, как мы видели, только в определенных обстоятельствах могут представлять интерес для текстолога. Иное дело, когда перед нами копия с не дошедшего оригинала. В этом случае копия является свидетельством об оригинале (протографе), и многие ее особенности зависят от того, каким был этот оригинал.

Особенно большое значение имеет для определения различных возможных ошибок, описок и пропусков формат недошедшего оригинала (протографа). Мы уже видели выше, что различные случаи диттографии и гаплографии связаны с перескоком писца с одной строки на другую. Длина строки обычно кратна размеру пропуска или повторения писца. Имеет, кроме того, значение количество текста, уместяющегося на странице или листе, так как отдельные пропуски или перестановки могут объясняться тем, что лист рукописи выпал, а затем был утрачен или вставлен в рукопись в перевернутом виде, попал не на место и пр. Важен вопрос и о концах строк, где могут быть специфические сжатия написания. Крайний нижний угол листа чаще всего загрязняется, текст его стирается, он утрачивается и т. д.; поэтому определение положения его в протографе по копии также представляет большую важность.

Вот почему, если перед нами копия с недошедшего оригинала (с ее протографа), то определение формата последнего (и соответственно размера строки, страницы, листа) представляет очень большой интерес для текстолога.